

ПРАВОВОЕ БУДУЩЕЕ РОССИИ Часть 2. Цивилизационный выбор

Архипов Сергей Иванович

Профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), приглашенный профессор Университета «Париж-Нантер» (Париж, Франция), доктор юридических наук, ORCID: 0000-0003-0154-5494, e-mail: arhip10@mail.ru.

В первой части статьи были исследованы два основных подхода к пониманию перспектив правового развития России, сформулированные в современной отечественной юридической литературе («западный» и «восточный» правовые пути). Во второй части статьи излагается авторская позиция в отношении цивилизационного выбора России, анализируются исходные социальные, культурные предпосылки, а также возможные сценарии правового развития страны, факторы, способствующие и препятствующие ее социально-правовому прогрессу. Критически переосмысливаются некоторые базовые представления о правовом прогрессе, сформировавшиеся в рамках западной правовой традиции. С учетом национально-правовых особенностей России, ее исторического опыта предлагаются иные, отличные от существующих в европейской культуре ценностно-правовые ориентиры, основанные не на идее автономии, социального обособления субъектов, а на их правовой связи, взаимодействии. Обсуждаются альтернативы западным концепциям совмещения политики и права, демократического правового государства и индивидуалистической собственности.

Ключевые слова: правовое будущее человечества, цивилизационный выбор, правовой прогресс, правовой регресс, тенденции правового развития

Для цитирования: Архипов С. И. Правовое будущее России. Часть 2. Цивилизационный выбор // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 4. С. 5–26. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_4_5.

THE LEGAL FUTURE OF RUSSIA Part 2. Civilizational choice

Arkhipov Sergey

Professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), visiting professor, Paris Nanterre (Paris, France), doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0003-0154-5494, e-mail: arhip10@mail.ru.

In the first part of the article, two main approaches to understanding the prospects for the legal development of Russia, formulated in modern domestic legal literature («western» and «eastern» legal ways), were investigated. The second part of the article presents the author's position on the civilizational choice of Russia, analyses the initial social and cultural prerequisites, as well as the possible scenarios for the legal development of the country, the factors contributing to and hindering its socio-legal progress. Some basic ideas about legal progress formed within the framework of the Western legal tradition are critically rethought. Taking into account the national-legal features of Russia, its historical experience, the author proposes the value-legal guidelines that differ from those existing in European culture and are based not on the idea of autonomy, social isolation of subjects, but on their legal connection, interaction. Alternatives to the Western concepts of combining politics and law, democratic rule of law and individualistic property are discussed.

Key words: legal future of mankind, civilizational choice, legal progress, legal regression, trends in legal development

*For citation: Arkhipov S. (2022) The legal future of Russia. Part 2. Civilizational choice. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnaluu»*, no. 4 pp. 5–26, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2022_4_5.*

В своей истории Россия несколько раз находилась на цивилизационной развилке, когда страна была вынуждена делать судьбоносный выбор, определяющий ее социальное будущее. Сегодня политическое, экономическое и военное противостояние России Западу достигает состояния цивилизационного разрыва, когда дилемма «Восток – Запад», «Быть или не быть частью западного либо восточного мира» вновь актуальна для российского государства и общества. Не в условных «красных линиях» или разделе сфер политического влияния, в экономических ресурсах или достижении иных меркантильных целей заключен смысл данного противостояния, а в самой возможности, в праве России определять свою судьбу, не зависеть от мирового гегемона, решать, с кем ей быть, в какой системе культурных ценностей существовать. Речь идет не только о суверенном политическом, но и о правовом выборе народа, об определении правового вектора развития российского общества.

Цивилизационный выбор предполагает исходные социальные, культурные предпосылки. Нередко в литературе культурные традиции, а также социальные ориентиры народа противопоставляются прозападным устремлениям российской элиты. «Восточный» русский народ в этом представлении оказывается заложником иной ориентации своих «поводырей». На наш взгляд, данная схема нуждается в уточнении. Действительно, со времен Петра Первого российская элита, дворяне «открыли окно в Европу», получили доступ к качественному европейскому образованию, а вместе с ним усвоили и западную систему социально-правовых ценностей. Декабристы не только говорили, писали, но и мыслили «по-французски», понятиями, категориями, идеями Руссо, Вольтера, Дидро, Монтескье, других философов и правоведов эпохи Просвещения¹.

Однако западные реформы затронули не только «верхние» слои общества, они проникли вглубь, в народные массы, в общественное сознание; культурная пропасть между элитой и народом постепенно преодолевалась. За триста лет Запад соединился с Востоком внутри каждого представителя русского народа. Степень проникновения западной культуры в сознание и быт разных этносов России различная, но эти две половины уже давно сосуществуют. Идеологические попытки «очистить» Россию от всего прозападного или вытравить «остатки Востока» – это уже не просто борьба двух противоположных точек зрения, научных или философских школ, конкурирующих идеологий, а почти анатомическая операция по разделению культурной плоти русского человека на две половины.

Главным следствием западных социально-правовых реформ в России стал модифицированный культурный код народа, и теперь он двухэлементный – западно-восточный. Проблема, на наш взгляд, не в том, что Запад проник в наше сознание, а в том, что «восточная» и «западная» его половины противостоят друг другу, внешний цивилизационный конфликт стал внутренним. Индивидуальное сознание оказалось расколотым на две противоборствующие части, которые не могут «договориться». Отсюда одна из важнейших задач дальнейшего социально-правового развития страны – совмещение этих «культурных антиподов» доступными правовыми средствами.

Другая важная проблема, с которой столкнулись в основном приверженцы традиций Востока, – это нахождение исходного «семени» социально-правового прогресса в культурно-историческом фундаменте России. В каком культурном слое его искать: в Киевской Руси, в периоде татаро-монгольского завоевания, в Русском (Московском) централизованном государстве конца XV – начала XVIII в., в Российской импе-

¹ О влиянии французской политической мысли на декабристов см., например: *Парсамов В. С. Декабристы и культурно-политические традиции Франции конца XVIII – начала XIX вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2002.*

рии или в Советском Союзе? Может ли выступить такой исходной предпосылкой для социально-правового прогресса традиционный общинный уклад, коллективистское сознание, православие, централизованное государство византийского типа или институты монархии, самодержавия, Советов?

Если для народников ростком будущего мироустройства России являлась русская община, то для евразийцев она уже представлялась в качестве фрагмента безвозвратного исторического прошлого, архаичным элементом прежнего русского быта. Как писал в 1921 г. в предисловии к первому сборнику статей евразийцев П. Н. Савицкий, «мы не разделяем взгляда народников на общину как на ту форму хозяйственной жизни, которой принадлежит и которой... должно принадлежать экономическое будущее России. Как раз в области экономической существование России окажется, быть может, наиболее „западническим“»¹. Не видели евразийцы также исторической перспективы дальнейшего развития экономического коллективизма, отдавая предпочтение «суверенной личности», принципу индивидуализма в сфере предпринимательских отношений.

По нашему мнению, не может выступать в качестве исходной предпосылки для правового прогресса России и православие. Как уже отмечалось в первой части статьи², не стоит «переходить Рубикон», разделяющий религию и право, признавать православие официальной государственной идеологией, как предлагают некоторые авторы³, поскольку такой шаг приведет не к сплочению народа, а к религиозному расколу, будет иметь разрушительные последствия для единства и территориальной целостности государства. Еще более сомнительными представляются перспективы возрождения в стране института монархии, восстановления утраченного в XX в. патриархального чувства кровнородственной связи потомков со своим «прародителем». Современная Россия больше нуждается в укреплении нравственно-правовых основ, чем в возрождении забытых монархических чувств.

Также едва ли в качестве основы будущего государственно-правового устройства России может выступать заимствованная российскими монархами в XV в. у Константинополя византийская модель государства, для которой характерны высокая степень централизации власти; элементы деспотического правления; признание императора-самодержца наместником Бога на Земле; отсутствие каких-либо правовых ограничений его властных полномочий; православие как официальная религия; коррумпированная бюрократия. Как отмечал К. Н. Леонтьев, Россия унаследовала у Византии почти все, «византизм организовал нас, система византийских идей создала величие наше, сопрягаясь с нашими патриархальными, простыми началами, с нашим, еще старым и грубым вначале, славянским материалом», «для силы России необходим византизм»⁴. Несмотря на некоторое преувеличение российским революционным мыслителем роли Византии в нашем государственном устройстве (по мнению евразийцев, русские многое заимствовали и от империи Чингисхана), следует признать, что данная форма государства прочно укоренилась в российской политической почве, а отдельные ее элементы, можно предположить, перешли «по наследству» Советскому государству и, возможно, будут востребованы в ближайшем будущем.

На наш взгляд, сама идея погружения в историческое прошлое в целях поиска готового «строительного материала» для созидания будущего социально-правового мира является методологически порочной. Она не учитывает фактор времени, динамику исторического процесса, эволюцию общества, социальных отношений. Будущее

¹ Савицкий П. Н. Предисловие // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София: Рос.-болг. книгоизд-во, 1921. Кн. 1. URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod.php> (дата обращения: 27.08.2022).

² Архипов С. И. Правовое будущее России. Часть 1. Обзор основных позиций // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 2. С. 17–18. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_2_5.

³ Сорокин В. В. Типы правопонимания и сущность права: моногр. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2021. С. 271–272.

⁴ Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1876. С. 29, 46. По его убеждению, «византизм дал нам всю силу нашу в борьбе с Польшей, со шведами, с Францией и с Турцией. Под его знаменем, если мы будем ему верны, мы, конечно, будем в силах выдержать натиск и целой интернациональной Европы» (Там же. С. 22).

предполагает прошлое, но не в статике, в неизменном состоянии, а в своем развитии. Сторонники готовых исторических форм игнорируют известный тезис, сформулированный еще Гераклитом Эфесским: «В одну и ту же реку нельзя войти дважды и нельзя дважды застигнуть смертную природу в одном и том же состоянии». Сложившиеся сотни лет назад социальные институты, формы хозяйственной и политической жизни возникли на другом общественном фундаменте, им соответствовал иной тип сознания, другой генетический код народа. Без критического переосмысления, переработки применительно к новым условиям жизни, иным общественным вызовам их невозможно перенести на современную почву.

Цивилизационный выбор должен основываться на существующей в данный период социальной структуре. Он предполагает наличие социальных сил, заинтересованных в осуществлении судьбоносных решений, готовых к кардинальным общественным преобразованиям и способных повести за собой инертное большинство. В западном мире такой социальной силой, которая возглавила борьбу за правовые идеалы свободы, равенства и справедливости, была буржуазия. Что касается постсоветской России, то на момент распада СССР в стране не существовало ни буржуазии, ни дворянства, ни кулачества. Не было той естественной среды, которая имела в странах Запада, вместо нее в результате целенаправленной политики «экспроприации экспроприаторов» была создана неизвестная новейшей истории социальная общность без эксплуататорских классов, так называемое бесклассовое общество.

Сторонники как западного, так и восточного пути развития России не всегда учитывают, что главными носителями социально-правовых ценностей, идеалов выступали именно те классы, которые стали жертвой революционной стихии. Буржуазия и либеральная интеллигенция были главной социальной базой для западных реформ, значительная часть дворянства и консервативная интеллигенция поддерживали восточный вектор развития. В русской культуре, как отмечал Н. С. Трубецкой, можно выделить верхи и низы¹. Низы – это народная, массовая культура, верхи – достояние господствующей части национального целого. Культурные ценности народных масс сравнительно элементарны, обезличены; ценности верхов сложнее, они соответствуют более требовательным вкусам. Между верхом и низом существуют обмен, взаимодействие, но возможен и культурный разрыв.

Если взять за основу идею автора о разграничении верха и низа культуры, то правовые ценности следует отнести скорее к верху, чем к низу. Поскольку право – это мир духа, рационального сознания, то оно формируется при непосредственном участии правящих классов. Как утверждали К. Маркс и Ф. Энгельс, «мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая духовная сила»². Вместе с «канувшими в лету» правящими дореволюционными классами постсоветская Россия утратила исходный социальный базис правовых реформ. Нет тех социальных сил, которые их генерировали, отстаивали, боролись за их осуществление. Хотя в народном сознании эти мысли и оставили свой культурный след, но без их творцов, инициаторов их практического воплощения они перестают быть духовной силой, способной преобразовать мир. В современной России только зарождается средний класс, способный выражать и отстаивать правовые идеалы, он еще не стал той господствующей политической силой, которая определяет вектор социального развития.

Сегодня судьбоносный выбор страны осуществляется не народом, не господствующими классами или «трудящимися массами», а весьма узкой группой людей – правящей российской элитой, которая не соответствует традиционным представлениям о национальных элитах. Ей недостает способности к управлению государством, высокой внутренней культуры, национальной самоидентификации, патриотизма, ответственности, профессионализма и т. д. По мнению С. Е. Кургиняна, уже с начала

¹ Трубецкой Н. С. Верхи и низы русской культуры (этническая база русской культуры) // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Кн. 1. URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod.php#1921-isxod-NST-verxi> (дата обращения: 27.08.2022).

² Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 45.

1990-х гг. происходит процесс «истления» российской элиты¹. Она развалила Советский Союз, не знает, что делать с Россией, неспособна осуществить рациональный цивилизационный выбор. Она стремится войти в западный мир, стать его частью, но Запад ее не принимает, она ему, как и в целом Россия, не нужны. С началом специальной военной операции на Украине «окно в Европу» для нее окончательно закрылось, впереди – цивилизационный тупик.

В отличие от западных национальных элит, наша политическая элита является самоназначенной. Она не вызревала в «национальном организме» в процессе длительной селекции, естественного отбора лучших представителей народа, не прошла историческую школу нравственного и интеллектуального созревания. У нее «вирусная» природа, она одна из причин болезненного разложения Советского государства, его распада. В Советском Союзе была идеологическая элита, когорта верующих в идеалы коммунизма и стремящихся их претворить в жизнь, но была и паразитирующая на государственном теле номенклатурная бюрократическая прослойка, руководствующаяся вполне «земными», меркантильными интересами.

М. С. Восленский, исследуя феномен советской номенклатуры (которую он определял как господствующий в СССР класс), смешал эти две принципиально разные по своему «духу» и роли в обществе группы². На наш взгляд, между ними есть существенное различие: одни пришли преобразовать мир в соответствии со своими идеалами, другие – карабкаться по карьерной лестнице. С угасанием веры в торжество коммунизма «вирусная» бюрократическая прослойка все больше увеличивалась, набирала силу. После самораспада СССР, произошедшего не без ее участия, ей почти без борьбы досталась значительная доля «общенародной собственности». Ей не пришлось генерировать новые сверхидеи, писать программы государственных преобразований, решать вопросы национального самоопределения. Социальный паразит, поглотивший своего прежнего хозяина, перебрался в тело его правопреемника, объединился с возникшими в результате имущественного раздела Советского государства олигархическими кланами и по-прежнему правит страной, но уже без надоевшей ему когорты верующих в светлое будущее страны, без «национальной идеи», без прочих идеологических «излишеств».

Для российской прозападной элиты «закрытие Европы» чревато тем, что она будет вытеснена за политический горизонт другой зарождающейся социальной силой – контрэлитой, отстаивающей идею восточного пути развития. Если сторонники западных ценностей еще недавно мечтали о единой Европе от Лиссабона до Владивостока, то их восточные оппоненты, возможно, уже скоро сформулируют новый тезис: Россия от Атлантики до Тихого океана.

Важную особенность формирования России как особой цивилизации отметил в своих трудах известный английский историк А. Тойнби. Определяющим для русской цивилизации, по его мнению, стал фактор «непрерывного внешнего давления», начавшегося в 1237 г. нашествием монгольского хана Батыя; он обусловил «эволюцию нового образа жизни и новой социальной организации»³. Действительно, для России фактор давления внешней среды всегда имел особое значение: татаро-монгольское нашествие, шведские крестовые походы (XII–XIV вв.), польско-литовская интервенция (1609–1618 гг.), вторжение армии Наполеона (1812 г.), германская оккупация (в период Первой и Второй мировых войн), холодная война с Западом. В долгой и кровопролитной борьбе с внешними врагами Россия выработала свой цивилиза-

¹ Кургинян С. Е. Политические элиты в современной России – актуальные вызовы // Центр консервативных исследований. 2008. 25 окт. URL: <http://konservatizm.org/speech/kurginyan/080309000928.xhtml> (дата обращения: 27.08.2022).

² Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. 2-е изд., испр. и доп. Лондон: OPI, 1990. В основе данной работы лежит ранее высказанная М. Джиласом идея о том, что в СССР сформировался новый господствующий класс – политическая бюрократия, ядром которой стала партия большевиков, а Сталин – его создателем; партия постепенно деградировала, превращаясь в олигархию нового класса; класс стал сильнее, партия – слабее; новый класс владеет, пользуется и распоряжается общественной собственностью, ему она принадлежит, он настоящий собственник всего общественного достояния. См.: Джилас М. Новый класс. Нью-Йорк: Фредерик А. Прегер, 1961. С. 52–87. URL: https://archive.org/details/dzhilas_novyi_klass/page/n51/mode/2up (дата обращения: 27.08.2022).

³ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. С. 140.

ционный ответ – жесткое централизованное государство византийского типа. Для страны это своего рода спасительный панцирь от внешних угроз, в основе которого лежит сформированный веками защитный инстинкт народа, отстаивающего свою независимость.

Внешняя агрессивная среда оказала существенное воздействие на выбор форм государственного устройства, политику Российского государства, на общественный быт и сознание народа. Однако, на наш взгляд, не менее важными для цивилизационного выбора народа являются внутренние условия социальной жизни. Речь идет о тех социальных силах, которые существуют в обществе, способны оказывать решающее воздействие на его политическую и правовую системы, на государство, а также о национальном составе, религиозных основах, исторических традициях народа. Две крупнейшие социальные катастрофы России XX в. (крушение Российской империи в 1917 г. и распад Советского Союза в 1991 г.) дают основания полагать, что игнорирование данного фактора несет угрозу окончательного разрушения нашей цивилизации.

Инициаторы социальных преобразований в России, начиная со времен Золотой Орды, по вполне понятным причинам стремились создать систему жесткой, централизованной вертикали власти, сохраняя при этом общинный уклад, коллективные формы собственности. Но постепенное расширение государственных границ, вхождение в состав России новых народов существенно изменили внутреннюю среду. Она перестала быть однородной, целостной; присоединение народов Урала, Кавказа, Сибири, Аляски, Средней Азии, Финляндии, Польши требовало переосмысления цивилизационной стратегии. Ответом на «вызов новой среды» стало создание империи и предоставление отдельным анклавам (Польше, Финляндии) относительной правовой автономии. Однако эти меры не придали устойчивости, прочности существовавшей конструкции государственной власти; скорее, наоборот, они начали ее расшатывать. Еще более опасным маневром для монархической власти стал демонтаж общинного уклада, в результате чего был разрушен фундамент монархического строя, его социальная основа и произошел закономерный крах Российской империи.

Империю, как показывает исторический опыт, тяжело создать, но еще тяжелее сохранить. Расширение границ государства за счет других этносов, народов приводит к увеличению вызовов внутренней среды, к многократному усложнению задач правового регулирования и политического управления. В Римской империи проблему правового регулирования отношений между римскими гражданами и иностранцами в определенной мере удалось решить посредством созданного юристами «права народов». Но это выдающееся изобретение римской юриспруденции не остановило процесс внутреннего разложения империи. Развитие империи как особой формы государства, заключающееся в непрерывном внешнем расширении границ, территориальных пределов власти, неизбежно сталкивается с нарастающим сопротивлением внутренней среды. Рано или поздно внутренняя среда становится главным врагом имперской власти, его «могильщиком».

Советский Союз, с одной стороны, унаследовал некоторые черты Российской империи; с другой стороны, как отмечали отдельные зарубежные авторы, «если Советский Союз и был империей, то это была империя уникального вида»¹. Ее уникальность заключалась в том, что она отдавала своим национальным окраинам больше материальных ресурсов, чем получала от них, т. е. была «империей наоборот». Если классические империи обогащались за счет своих колоний, то РСФСР как центр и основа Советского Союза выступала финансовым донором для других союзных республик. Национальный вопрос был для большевиков одним из важнейших цивилизационных вызовов уже с момента создания СССР. Опыт формирования «доброй» империи показал, что таким образом можно «отложить» национальный вопрос, но решить его с помощью постоянных финансовых пожертвований одной части народа за счет другой его части нельзя. Национальный сепаратизм не исчез, он сохранился

¹ Strayer R. Why did the Soviet Union Collapse? Understanding Historical Change. L.: Taylor and Francis Ltd, 1998. P. 78.

и в конечном счете стал одной из важных причин распада СССР. В 1991 г. призывы к национальному размежеванию звучали уже не только в республиках Прибалтики, Закавказье, Украине, но также в Москве и некоторых российских регионах; при этом мотив был вполне меркантильный: хватит «кормить» окраины.

В итоге «империя наоборот» (СССР), как и «классическая империя» (дореволюционная Россия), стали жертвой внутренних противоречий. Обе они так и не решили национальный вопрос и к моменту распада в значительной мере утратили свой исходный социальный базис. Для царской России ключевым пунктом стало изменение формы собственности на землю с коллективной на частную, что привело к разрушению общины; для СССР отношения собственности, на наш взгляд, также стали одной из причин (были и другие) социального отчуждения руководящей элиты от исходного базиса. Но здесь крайность была другого рода: в результате национализации собственность не стала «всенародной», коллективной, общей. По сути, все права по управлению и распоряжению ею принадлежали партийно-государственным органам. Отчуждение производителей товаров (народа) от собственности на средства производства, от участия в управлении и распоряжении ею привело к постепенной утрате их доверия к власти. Отношения собственности – это главный «нерв», связывающий человека с государством; если этот «нерв» парализован, то связь с государством утрачивается.

В современной России, стоящей на цивилизационной развилке, в качестве альтернативы западному пути развития все чаще звучат призывы воссоздать имперское государство. Как утверждает С. Е. Кургинян, «империи не в прошлом, а в будущем», новой контрэлите необходимо срочно восстанавливать системы, обеспечивавшие «имперский, сверхдержавный тип существования России»¹, другой дороги нет. Удивительно, но «дух» византийской империи в российском общественном сознании еще не угас, он возрождается и набирает силу. Но что должно стать идейной основой новой российской империи: желание наказать Запад за несоблюдение «красных линий», патриархальное чувство любви к будущему императору или возрожденная идея пролетарского братства? Фактор внешней среды, как уже не раз было в истории России, на некоторое время может сплотить народ в единый государственный «кулак», однако, как только прекращается внешнее давление, данный фактор утрачивает свое значение. Империи легче пережить войну, чем мир.

Для «имперского, сверхдержавного типа государства» недостаточно появления экзистенциальной внешней угрозы, нужны идеологические скрепы, способствующие сплочению народа вокруг правящей элиты. Среди множества идейных течений, существующих в постсоветской России и способных, на наш взгляд, оказать влияние на цивилизационный выбор страны, можно выделить теорию евразийства в ее современной интерпретации (неоевразийство).

Евразийство как теория и общественно-политическое движение возникло в 1920–1930 гг. среди части российской интеллигенции, оказавшейся в эмиграции. Евразийцы (Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, Л. П. Карсавин, Г. В. Вернадский, Н. Н. Алексеев и др.) призывали к духовному возрождению, при этом они, как отметил Г. В. Флоровский, хотели найти истину в истории, «в их сознании правило исторической чуткости превращается в требование „слушаться“ истории, – именно слушаться, не только слушать»². Некоторые из них особое значение придавали природно-географическим условиям. П. И. Савицкий, например, полагал, что степь определила сознание русского народа; западноевропейскому ощущению моря он противопоставлял наше «монгольское» ощущение континента: «Россия – наследница Великих Ханов, продолжательница дела Чингиса и Тимура, объединительница Азии... В ней сочетаются одновременно историческая „оседлая“ и „степная“ стихия»³.

Евразийцы приняли революцию, но при этом отвергли коммунистическую идею и в качестве альтернативы ей сформулировали собственную концепцию мироустрой-

¹ Кургинян С. Е. Указ. соч.

² Флоровский Г. В. Евразийский соблазн // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. С. 239.

³ Савицкий П. И. Степь и оседлость // На путях: Утверждение евразийцев. М.; Берлин: Геликон, 1922. С. 294–316. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn03.htm> (дата обращения: 27.08.2022).

ства. Для ее осуществления по примеру большевиков предлагалось создать единую правящую партию, монополизировавшую государственную власть, выражающую бес-сознательную волю народа. Они отвергали возможность создания многопартийной политической системы западного типа. Государство, по их убеждению, должно быть авторитарным, идеократическим, управляемым новой элитой, исповедующей идеалы евразийства. Наряду со сверхдержавными идеями евразийцами были сформулированы некоторые интересные концепции гуманистического толка: «государства правды», «гарантийного» государства¹ и др. Идеологи данного политического течения, как и коммунисты, мечтали о создании такого общественного строя, где отсутствуют стяжательство, жажда наживы, корысть. В экономической сфере ими предлагалось совместить государственную и частную систему хозяйствования².

Вторая волна евразийства (неоевразийство) началась в 80-х гг. XX в., ее появление связано с творчеством Л. Н. Гумилева, его пассионарной теорией этногенеза. Он развивал некоторые этногеографические идеи П. И. Савицкого и рассматривал себя в качестве продолжателя евразийского учения. Сегодня наиболее ярким представителем данного течения является российский политолог А. Г. Дугин. По его мнению, в настоящее время возникла необходимость в новой, четвертой, политической теории (первая – либерализм, вторая – коммунизм, третья – фашизм), поскольку все теории XX в. не способны ответить на вызовы времени³. Единственной теорией, могущей дать ответы на злободневные вопросы современности, является неоевразийство, воспринявшее основную концепцию евразийцев и дополнившее ее новыми идеями XXI в. Свою теорию А. Г. Дугин относит к разряду консервативных проектов, которые не стоят «на стороне „маленького человека“ (во всех смыслах)... Консерватор везде любит великое, и в человеке он любит великое и высокое... Поэтому, как правило, консерваторы являются сторонниками Империи... Империя – это высшая форма человечности, высшее ее проявление. Ничего гуманнее Империи не существует»⁴.

А. Г. Дугин отстаивает ценность войны для человека, нации, страны; российский народ, чтобы не сгнить изнутри, должен быть воинствующим народом, пацифизм для него – худший исход. Богословие должно венчать образование, все остальные науки – это путь к богословию. Если для евразийцев первой волны вопрос о том, что есть Евразия (третий мир, Европа, Азия или механическое единство того и другого с преобладанием азиатского начала), вызывал внутренние колебания, то для А. Г. Дугина данный вопрос окончательно решен: Россия с точки зрения неоевразийской теории – это самостоятельная цивилизация с самобытными ценностями и интересами, ее следует сопоставлять не с отдельными странами, а с цивилизациями (индусской, китайской, исламской, западной и т. д.). Период господства западной цивилизации должен смениться эпохой многополярного мира, в котором полюсов столько, сколько цивилизаций⁵.

Для неоевразийцев Запад – мировое зло, которое необходимо победить, у российской цивилизации нет другого пути, она «должна дать последний и решительный бой»⁶. Позиция автора четвертой политической теории жестко антизападная, воинственная, основывающаяся на принципе полного отрицания европейского пути развития, более того, всей эпохи модерна, идеалов и ценностей Просвещения. Для достижения глобальной цели – разрушения Запада – необходимо укреплять отноше-

¹ Подробнее см.: Архипов С. И. Идея правового прогресса в трудах Н. Н. Алексеева // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 3. С. 10–13. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_3_5.

² Алексеев Н. Н. Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства // Русская философия собственности (XVIII–XX вв.). СПб.: СП «Ганза», 1993. С. 373–394.

³ Дугин А. Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. СПб.: Амфора, 2009. С. 5–14.

⁴ Там же. С. 109–110. Среди неоевразийцев, как и у их предшественников, нет единства по ряду принципиальных вопросов. Ю. Кофнер, например, полагает, что «„дугинское евразийство“ – это оксиморон, извращение и обман... настоящее евразийство – это революция любви, дружба и права народов, права личности...». См.: Кофнер Ю. Дугин – это не евразийство! // Центр Льва Гумилева. 2011. 25 окт. URL: https://www.gumilev-center.ru/dugin-ehto-ne-evrazijstvo/#_ftn5 (дата обращения: 27.08.2022).

⁵ Дугин А. Г. Теория многополярного мира. Плюриверсум: учеб. пособие для вузов. М.: Академ. проект, 2015.

⁶ Дугин А. Г. Четвертая политическая теория. С. 163.

ния со странами, отвергающими его гегемонию, а также раскалывать Запад изнутри, противопоставляя интересы континентальной Европы (Франции, Германии, Италии, Испании) и США. Российский народ, по убеждению А. Г. Дугина, уже сделал свой выбор в пользу традиционного общества и религии, но правящая элита все еще находится на распутье.

На наш взгляд, идеология неоевразийства в условиях усиливающейся конфронтации России и Запада способна оказать влияние на радикально настроенный электорат, а через него – на власть, склоняя ее в пользу восточного, точнее антизападного, вектора развития. Идеи державности, патриотизма всегда находили отклик в народном сознании, особенно в период возникновения внешней угрозы. Однако идея войны с Западом как основа цивилизационного выбора страны не может не вызывать сомнения даже у консерваторов. Война – это крайнее средство достижения определенной политической цели, но не самоцель. Цивилизация и война – не совсем совместимые вещи, в основе цивилизации как нравственно-культурной социальной целостности должны лежать позитивные ценности, а не идея вражды. Для судьбоносного выбора страны главным должен быть не внешний, а внутренний фактор. Не ненависть к инакомыслящим, а позитивный образ социально-правового будущего, совершенного государственного строя, проецируемого по лекалам не «традиционного», архаичного, уже не существующего общественного сознания, но современного, впитавшего в себя как восточные, так и западные ценности, должен определять цивилизационный выбор народа.

Менее радикальными представляются взгляды сторонников идеи конвергенции двух систем: капитализма и коммунизма. Эту идею вынашивали уже некоторые русские эмигранты первой волны, позднее ее развивали отдельные советские диссиденты. В середине прошлого века известный российский правовед и американский социолог П. Сорокин допускал возможность создания интегрального общественного строя, который аккумулирует позитивные ценности двух противоборствующих социальных порядков: капиталистического и коммунистического; при этом он способен устранить существенные недостатки каждого из них. В области этики и права интеграционные процессы должны проявляться, по его мнению, в возвышении альтруизма, облагороженного морального поведения, организованных движений за уничтожение войны, нищеты, различных форм эксплуатации, несправедливости. Новый социокультурный строй призван обеспечить добровольное объединение религии, философии, науки, этики и изящных искусств в интегрированную систему высших ценностей¹.

Академик А. Д. Сахаров в опубликованных им в 1968 г. «Размышлениях о прогрессе» также призывал к сближению, конвергенции двух противоборствующих систем на «общенародной демократической основе», признанию общечеловеческих ценностей, соблюдению прав человека. Он предлагал осуществить социальные реформы как в капиталистических странах, так и в странах социализма, выделял несколько этапов их взаимного сближения. В рамках заключительного этапа конвергенции, согласно его проекту, должно было произойти сглаживание принципиальных различий социалистической и капиталистической систем, существующих между ними идеологических противоречий. Логическим итогом интеграционного процесса должно было стать создание мирового правительства².

Современные сторонники идеи конвергенции, учитывая опыт социально-экономических реформ в Китае, а также в других странах бывшего социалистического лагеря, предлагают более реалистичные проекты социальных преобразований. Если первоначально теория конвергенции предполагала глобальный процесс взаимного сближения двух противоборствующих систем, то сегодня она переориентирована на внутреннюю социальную модернизацию, при этом Запад и Восток меняются местами. Известный российский правовед М. Н. Марченко признавал целесообразность практического применения основных положений теории конвергенции при

¹ Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. С. 86.

² Сахаров А. Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе. Франкфурт, М.: Посев, 1968. URL: https://www.yabloko.ru/Themes/History/sakharov_progress_c.html (дата обращения: 27.08.2022).

реформировании российского государства, общества, нашей правовой системы¹. Он противопоставлял «дебильный русский капитализм»² китайской модели социально-экономического развития³, выделяя в качестве причин китайского экономического «чуда»: 1) ключевую роль государства и партии в модернизации страны; 2) основательно проработанную стратегическую программу социально-экономических и иных преобразований; 3) гибкую политику, целью которой является сплочение общества; 4) сочетание традиционных хозяйственных укладов и форм собственности с новыми «капиталистическими» элементами; 5) развитие наряду с крупным бизнесом также мелкого и среднего, стимулирование кооперативного движения, совмещение рыночных механизмов, капиталистической конкуренции с административно-хозяйственными методами руководства; 6) эффективное правовое регулирование, обеспечивающее результативность проводимых реформ, построение «социалистического правового государства» (согласно ст. 5 Конституции КНР).

Поскольку М. Н. Марченко при сравнительном анализе систем хозяйствования двух стран исходил из предположения, что опыт Китая является передовым, обеспечивающим более успешное экономическое развитие, чем Запад и постсоветская Россия, то отсюда следует вывод о необходимости заимствования нами модели китайского экономического «чуда». Полюса поменялись: мы уже должны заимствовать новые элементы не у Запада, как предлагали основатели теории конвергенции, а у Востока. Россия в новой системе координат оказалась западнее Запада, по крайней мере, на западном полюсе, и теперь нам придется сближаться с Востоком. Что касается перспектив преобразования государства, определения вектора внешней политики и выбора ценностных ориентиров, то, по мнению М. Н. Марченко, России необходимо отказаться от концепции западного либерализма, стремиться возродить статус мировой сверхдержавы, воссоздать систему сильной централизованной власти, восстанавливать традиционные национальные ценности: коллективизм, нестяжательство, любовь к родине, патриотизм и т. д.

Если евразийцы ищут ответы на современные цивилизационные вызовы в древней истории России, то идеологи конвергенции – в социалистическом прошлом (прямо или опосредованно – через опыт Китая, других стран). Решают ли они в итоге проблему совместимости двух противостоящих друг другу систем ценностей (западных и восточных) в сознании народа? На наш взгляд, ни теория евразийства, ни теория конвергенции не приводят к органическому соединению Запада с Востоком. С точки зрения возможности осуществления цивилизационного выбора обе теории не создают обещанной интегрированной системы высших ценностей (П. А. Сорокин), не способствуют примирению противоборствующих социальных сил.

Данный упрек можно адресовать и концепции социально-политического развития России, сформулированной лидером КПРФ Г. А. Зюгановым. В ряде своих работ («Глобализация и судьба человечества», «Глобальное порабощение России, или „Глобализация по-Американски“», «Россия под прицелом глобализма») он отстаивает идею двух форм интеграции человечества: империалистической глобализации и социалистической интернационализации. Первая форма интеграции ведет к однополярному миру под «покровительством» США; по его мнению, сильной, суверенной России нет места в этом мире. У нас собственный путь в будущее, определяемый традициями, культурными особенностями народа. Сознанию русского человека, его мировосприятию в большей мере соответствует вектор социалистической интернационализации. России необходимо отказаться от политики сближения с Западом, укреплять государство, провести национализацию средств производства, возродить советы народных депутатов, органы общественного самоуправления, восстановить в полном объеме советскую систему государственной власти, механизмы планирования экономической деятельности. Главные цели во внешней политике, согласно

¹ Марченко М. Н. О перспективах развития российского государства и права // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Сер. 2: Юридические науки. 2017. № 4. С. 10.

² Марченко М. Н. Основные тенденции развития российского государства и права на современном этапе // Lex Russica. 2018. № 5. С. 27.

³ Марченко М. Н. Особенности перехода от социализма к капитализму в России и в Китае (сравнительный анализ) // Государство и право. 2019. № 6. С. 26–33.

концепции Г. А. Зюганова, – создание геополитического союза трех «ветвей великого народа» (русских, украинцев, белорусов); реинтеграция постсоветского пространства; выход на новый уровень сотрудничества с Китаем, Индией, странами исламского мира; построение многополярного мира¹.

Социальной основой возрожденного социалистического строя, по его мнению, должен стать не классический пролетариат, которому «нечего терять, кроме своих цепей», а «современный передовой класс»: ученые, конструкторы, технологи, управляющие, квалифицированные рабочие, а также учителя, преподаватели вузов, врачи, программисты и т. д. Г. А. Зюганов, на наш взгляд, верно оценивает место и роль «современного передового класса» в будущем мироустройстве, по сути, не пролетариата, а среднего класса, однако, возможно, он ошибается в том, что этот класс кровно заинтересован в новом российском социализме. Среди перечисленных им представителей «передового класса» многие – это люди «свободных профессий», которые в силу своего образа жизни являются сторонниками скорее западных либеральных ценностей, чем коммунистических, социалистических идеалов.

Кроме того, прежде чем строить новый социализм, необходимо провести глубокий анализ причин крушения советского социалистического строя. Г. А. Зюганов справедливо отмечает, что главные причины гибели СССР были внутренние, а не внешние. При этом в качестве решающего фактора он называет «перерождение и предательство верхушки КПСС». Но что привело к перерождению партийной элиты, а самое главное – почему народ и рядовые члены партии не выступили против развала Советского Союза? Если Г. А. Зюганов прав в своем понимании причин краха СССР, то в этом случае надо лишь заменить «верхушку КПСС» и проблема возрождения социализма в России будет решена. Если же корень проблемы не в вырождении и предательстве элиты, а в утрате народной веры в идеалы коммунизма, то тогда перспективы осуществления социалистического проекта в стране не такие очевидные, как полагает лидер КПРФ.

По утверждению Г. А. Зюганова, все попытки теоретически и практически решить в России проблему соединения традиций Востока и Запада не увенчались успехом. Первая попытка синтеза была предпринята в «буржуазно-дворянский» период, вторая – в послеоктябрьский. Сегодня, по его мнению, необходимо совершить третий синтез, «учитывающий весь нажитый исторический опыт». Поскольку Г. А. Зюганов поставил перед собой такую сверхзадачу, то его проект социально-политических преобразований страны следует оценивать с точки зрения степени ее осуществления. Появилась ли в результате осмысления и переработки им «нажитого исторического опыта» интегрированная система высших ценностей? На наш взгляд, третий синтез, как и предыдущие, не состоялся, западная система либеральных ценностей была уже «на входе» отвергнута автором проекта «нового» социалистического строя. За основу им была взята старая советская модель государственного устройства, в нее инкорпорированы некоторые рыночные элементы, марксистская идеология разбавлена идеями соборности, коллективизма и православия. В результате появилось механическое соединение качественно разнородных элементов, не имеющих общего идеологического стержня, своего рода «православный коммунизм».

Тем не менее сформулированный лидером КПРФ проект будущего государственного устройства России имеет определенную поддержку со стороны электората, что подтверждается результатами голосования за его кандидатуру на президентских выборах 2012 г. (12 318 353 голоса избирателей), а также выборах в Государственную Думу 2021 г. (10 660 599 голосов избирателей), но ее недостаточно для судьбоносного выбора страны. Однако если учитывать совокупный политический «вес» всех участников формирующегося в России антизападного «фронта», то не исключено, что их влияние на будущий цивилизационный выбор может быть решающим.

В условиях жесткой политической конфронтации России со странами Запада отказ от европейской системы социально-правовых ценностей объясним, но не конструктивен. Вместо того чтобы критически осмыслить достижения западной цивилизации, взять все то позитивное, что не противоречит нашему «культурному коду»,

¹ Зюганов Г. А. Глобальное порабощение России, или «Глобализация по-Американски». М.: Эксмо, 2011.

совместимо с традициями народа, современные идеологи сверхдержавной российской государственности отбрасывают ценный опыт Запада, прежде всего в правовой сфере. Надо помнить, что в идеологической борьбе стран западной коалиции с Советским Союзом и другими социалистическими странами главным «козырем» были западные правовые идеалы, теории прав человека, правового, социального государства. В конечном счете идеологические аргументы Запада оказались более убедительными, чем те, которые отстаивали их оппоненты. Нынешние российские идеологи предлагают другие ценностные ориентиры: «империя как высшая форма человечности», «новый» российский социализм, китайско-российская конвергенция и др. Но способны ли создаваемые ими идеальные модели «светлого будущего» противостоят сформированным эпохой Просвещения западным правовым идеалам? Может быть, современной России в идеологической войне с западным миром целесообразно использовать его же аргументы, испытанное им против СССР идеологическое оружие, учитывая, что в борьбе за мировое господство США, западные элиты попирают собственные правовые идеалы, которые несовместимы с их глобальными притязаниями?

Культурно-правовое наследие Запада не следует игнорировать не только с точки зрения возможностей ведения идеологической борьбы с ним и другими геополитическими противниками. России важно использовать его в качестве культурного гудуса для дальнейшего формирования собственной цивилизации, своего социального развития. Опыт западной цивилизации необходимо учитывать при реформировании Российского государства, совершенствовании нашей правовой системы, создании такого социально-правового устройства страны, которое обеспечивает наиболее полное осуществление интересов российских граждан.

Лежащая в основе современных теорий неоевразийства, нового социализма, социальной конвергенции модель постановки и решения научных и практических задач предполагает не правовой, а политический взгляд на общественные явления и процессы. Их авторы исходят из идеи противостояния, вражды социальных субъектов, включая народы, нации, культуры, цивилизации. В этой системе координат надо выбирать: «мы» или «они», Запад или Восток, союзники или враги. Другого пути нет, культура, право, религия политизируются, становятся средствами политической борьбы, особыми видами оружия. Право рассматривается не как самостоятельная форма социальной коммуникации, а как элемент системы политического господства.

Будущее видится авторам вышеназванных политических теорий сквозь призму нынешних вызовов, возникших в последнее время угроз. Однако в основе цивилизационного выбора страны должны лежать социальные ценности высшего порядка, необходимо руководствоваться не сиюминутными, а глобальными интересами, оценивать последствия выбора на дальнюю перспективу. Если исходить из идеи формирования в России более прогрессивной, более совершенной в нравственном, культурном отношении цивилизации, чем современная западная и противостоящие ей восточные культуры, то нельзя основываться на той парадигме, которая сегодня доминирует в политическом сознании. Необходим переход от политического к правовому типу сознания, от идей вражды, власти и насилия к рациональному совмещению социальных интересов, от войны к миру, от частных ценностей к общечеловеческим ценностям.

Для осуществления данного перехода российская юридическая наука должна критически переосмыслить правовое наследие Запада и Востока, разработать цивилизационную теорию правового прогресса, ориентированную, с одной стороны, на культурные традиции российского народа, особенности национального правового сознания, с другой стороны, на правовую интеграцию, взаимодействие с другими нациями, народами, цивилизациями. Речь идет о теории не национального обособления, противостояния России Западу или Востоку, а культурно-правового сближения, объединения народов. Нам важно не потерять себя в глобальном мире, но нельзя и ограничиваться своей самобытностью, упиваться ею, нужен правовой путь восхождения от национального, особенного к общечеловеческому, всеобщему.

Учитывая эмпирическую приземленность нашей правовой науки (как утверждал И. Кант, «чисто эмпирическое учение о праве – это голова... которая может быть пре-

красна, но, увы, не имеет мозга»¹), наверное, не стоит ожидать появления в ближайшей перспективе полноценной теории социально-правового развития России. На наш взгляд, это слишком масштабная задача даже для одного поколения юристов; западной цивилизации для решения аналогичной задачи – разработки европейской теории социального прогресса – потребовалось более двух веков (от Д. Вико до начала XX в.). Однако российской юридической науке, возможно, придется более оперативно искать и находить ответы на вызовы времени.

В порядке дискуссии можно высказать некоторые соображения по поводу разработки теории социально-правового развития России.

Первым важным пунктом, где правовые идеалы Запада и России могут принципиально разойтись, на наш взгляд, является представление о правовой свободе. В западном мире правовая свобода традиционно понимается как независимость, автономия одного лица от другого (других), отсюда известный тезис: «Свобода одного заканчивается там, где начинается свобода другого». Это негативное понимание правовой свободы, оно предполагает, что другие лица являются препятствиями, внешними ограничителями на пути субъективного произвола. В основе западного понимания свободы лежит индивидуалистический тип сознания, европейский индивидуализм есть та духовная почва, на которой произрастает либерально-автономическое мировоззрение. Западное понимание свободы по своей сути является антисоциальным, поскольку оно предполагает не правовую связь, интеграцию субъектов, а их взаимное отчуждение, правовое обособление. Автономизация и правовая коммуникация – разнонаправленные процессы, в одном доминируют центробежные силы, в другом – центростремительные.

Осознавая очевидные недостатки данного подхода к пониманию правовой свободы, западная правовая наука в качестве альтернативы свободы «от» предлагает свободу «для», означающую наличие у лица возможности самореализации в правовой сфере, самостоятельного осуществления субъектом права своих социальных интересов. Однако и альтернативный подход не решает проблему западного индивидуализма. Право – это сфера, где человек реализует свои цели не сам, а через других лиц: покупатель осуществляет свой интерес посредством продавца, арендатор – арендодателя и т. д. Данный вывод касается не только частноправовых отношений, но и публично-правовых. Правовая свобода имеет коммуникативный характер, она проявляется не в актах самореализации, а в субъект-субъектных отношениях.

Российское правовое сознание, как отмечали многие дореволюционные, а также современные правоведы и философы, сформировалось на другом социальном фундаменте, чем в западной Европе. Оно своими корнями уходит в систему общинного мироустройства, является коллективистским, поэтому западные либерально-правовые идеи, теории с трудом приживаются в нашей социальной среде. Коллективистское сознание, на наш взгляд, предполагает принципиально иное понимание правовой свободы. Если не сводить коллективизм к крайностям, как это делают некоторые сторонники западного либерализма (отождествляя его с тоталитаризмом, коммунизмом и даже фашизмом), то его позитивной стороной является внутренняя установка индивидов на социальное взаимодействие, сотрудничество, взаимопомощь. Тесные социальные связи членов общества, основанного на принципе коллективизма, предполагают скорее коммуникативное, чем автономическое понимание свободы. Для коллективистского правового сознания другие субъекты не препятствия на пути свободы, напротив, они ее источник. В этом принципиальное отличие российского правового менталитета от западноевропейского.

Современному западному правовому индивидуализму с его центробежными устремлениями, возможно, недостает противовеса в виде центростремительных сил. В России присутствуют обе тенденции (тяготение к общему центру и прямо противоположное движение), поэтому сохраняется возможность в перспективе достичь в правовой сфере необходимого баланса между крайностями коллективизма и индивидуализма. Наш западно-восточный генетический код не помеха, а, скорее, важный фактор, который может способствовать социально-правовому прогрессу российского

¹ Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 139.

общества и государства. В российской правовой системе есть смысл воплощать не принципы западного либерализма, а близкую нам по «духу» идею коммуникативной свободы, что может обеспечить нам собственную цивилизационную линию правового развития.

Второй важный пункт, где идеалы будущего мироустройства России и Запада могут принципиально разойтись, – представления о правовой и политической коммуникации, их соотношении. В западной науке, как верно отметил Н. Луман, начиная с Нового времени сформировался подход, нацеленный на объединение политической и юридической систем¹. Правовая (юридическая) система в данном политико-правовом союзе оказалась в зависимом положении от политической, призвана выполнять в нем служебную роль. В результате произошедшего объединения закон, в более широком смысле – законодательство, стал элементом политической системы, средством осуществления политических задач².

Теория правового государства принципиально не изменила существующий подход к объединению двух коммуникативных систем. Хотя Кант, Гегель и их последователи провозгласили высшую ценность и «святость» права в обществе³, их проекты государственного устройства основывались не на принципах правовой коммуникации, т. е. совмещения произвола одного лица с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы⁴, а на принципах политического мироустройства, основой которого являются государственно-властные отношения. Первоначальный замысел создания идеального государства на коммуникативно-правовой основе в итоге трансформировался в модель политического государства с тремя видами (ветвями) власти⁵. В результате симбиоза права и политики появилась модель государства-кентавра с правовой головой и политическим туловищем: голова взывает к свободе, туловище живет по законам политической власти.

В противостоянии двух важнейших социальных идей – свободы и власти – идея свободы в современном западном мире терпит поражение, поскольку для ее осуществления не созданы необходимые предпосылки. Именно этим обстоятельством, на наш взгляд, объясняется то явление, которое Э. Фромм описал как «бегство от свободы»⁶. Вместо триумфа идеи правовой свободы, торжества принципов правового государства в XX в. в Европе возникла тенденция к возврату в состояние авторитарной государственности, европейцы не смогли распорядиться завоеванной ими в результате революций свободой. Э. Фромм видел решение данной проблемы в воспитании индивида, в психологической подготовке его к новым условиям социальной коммуникации. Однако, на наш взгляд, гораздо более важным является создание адекватной формы государства, коммуникативно-правовой инфраструктуры, включающей в себя не только законодательную базу, но и конкретные юридические механизмы, процедуры, обеспечивающие взаимное осуществление интересов в свободном правовом мире.

Для успешного правового развития России необходимо решить проблемы разграничения двух коммуникативных систем, отделения права от политики, создания модели государства, соответствующей «чистым принципам права». Право в России уже на ранних этапах его развития ассоциировалось не с властью, насилием, а с правдой, истиной, справедливостью, не случайно первый русский свод законов именовался Русской Правдой (1016 г.). Для общинного, коллективистского сознания народа нравственные основания права имели огромное значение. Заимствованное же нашим законодателем у западной цивилизации понимание права как служебного эле-

¹ Посконина О. В. Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества: моногр. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1997. С. 39.

² Там же. С. 53–65, 79.

³ Согласно Канту, «во всем мире нет ничего более святого, чем право других людей» (Кант И. Из «Лекций по этике» (1780–1782 гг.) // Этическая мысль: науч.-публицист. чтения. М.: Политиздат, 1988. С. 306). Гегель также утверждал: «Право есть нечто святое вообще уже потому, что оно есть наличное бытие абсолютного понятия, самосознательной свободы» (Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 90)

⁴ Кант И. Метафизика нравов. С. 139.

⁵ Кант И. Метафизика нравов. С. 234–240; Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. С. 311 и далее.

⁶ Фромм Э. Бегство от свободы / пер. с англ. и примеч. А. И. Фета. Нючёпинг: Philosophical arkiv, 2016. С. 27–31.

мента «единой» политико-правовой системы вызывало отторжение у многих известных российских философов, писателей, правоведов. Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. И. Герцен, Н. А. Бердяев, другие авторы отвергали идею правового прогресса России в западном ее понимании.

Идея правовой коммуникации должна заключать в себе нравственное начало. Кантовский принцип совмещения произволов выражает скорее эгоизм участников правового общения, чем их стремление к нравственному единению. Кант точно передал частнопроводную природу, характер взаимоотношений субъектов права, но он в своем определении не обозначил конечную цель их взаимодействия. Римские юристы, создавшие образцовую систему частного права, не сводили свою правотворческую деятельность к совмещению произволов, для них право было искусством добра и справедливости (Цельс). Возможно, соединение юридического прагматизма с высшей нравственно-правовой целью является формулой их профессионального успеха. Конечная цель правовой коммуникации, на наш взгляд, должна заключаться не в развитии частного эгоизма или осуществлении политических задач, властных амбиций отдельных представителей народа, а в создании совершенного нравственно-правового мироустройства. При этом для цивилизационного выбора важны не конкретные контуры социально-правового будущего, которые могут меняться, а общее стратегическое направление социального развития и само стремление к нравственно-правовому совершенству.

Третий пункт, где возможны принципиальные расхождения во взглядах Запада и России, – представления о государстве. В западных политических и правовых воззрениях индивид и государство противостоят друг другу как два враждующих субъекта. В эпоху формирования абсолютной монархии во Франции зародилась идея суверенитета государства, его независимости от граждан, народа. Если для древних греков и римлян представление о государстве как независимом от народа субъекте было чуждым (для них государство являлось «собственностью» народа, а не властвующим над ним господином), то для западной цивилизации оно оказалось вполне «естественным»: суверенной личности противостоит суверенное государство, оно есть проекция его «суверенного», индивидуалистического сознания. В процессе формирования теории правового государства идея суверенитета перекочевала в новую систему представлений, в которой государству вопреки провозглашенным принципам права вновь была отведена роль властвующего субъекта по отношению к своим гражданам.

С одной стороны, в западной системе координат человек, его права и свободы провозглашаются высшей правовой ценностью. С другой стороны, ему противостоит суверенное государство, которое может обязать, принудить «суверенного» человека к соблюдению государственных интересов. Кто из них более суверенен, является главным, верховным субъектом права? Если бы таковым в западном мире действительно был индивид, то в признании естественных, неотчуждаемых прав нуждалось бы государство, а не он. Теория правового государства предполагает лишь ограничение политического суверенитета государства, но не смену верховных субъектов – суверенов.

В отличие от западной Европы в российском общественном сознании индивид изначально не противопоставлялся государству. Коллективистский, общинный уклад предполагал отношение между ними как части и целого. Идея суверенитета, независимости государства от граждан, от народа, несмотря на попытки вестернизации России, не укоренилась в общественном сознании. Индивид, который ранее находил социальную опору, поддержку в общине, после ее распада перенес свои ожидания на государство; этим, на наш взгляд, можно объяснить, почему идеи социализма, социального государства, патернализма легко приживаются на российской почве. Западные реформы хотя и повлияли на государственное устройство, социальный быт, сознание российского народа, но не привели к окончательному разрыву родовой «пуповины», связывающей индивида с государством.

Учитывая особое состояние нашего общественного сознания с точки зрения противостояния в нем разных систем ценностей, есть резон попытаться сформировать в России уравновешивающий крайности концепт отношения индивида к государ-

ству, основанный не на восточном принципе «растворения» личности в публичной целостности и не на западном противопоставлении индивида государству, а на идее их коммуникативно-правового взаимодействия. Для успешного правового развития страны предпочтительнее модель государства – «общей собственности граждан», чем властвующего над ними суверена. Какой смысл воспроизводить в нашей социальной среде западного Левиафана и вести бесконечную борьбу с ним за признание прав человека, когда можно создать институт социального служения, ответственного перед гражданами правового субъекта, реализующего их правовые интересы?

Россия, на наш взгляд, не нуждается в возрождении патриархального коллективизма, русской общины, как этого желали славянофилы и их последователи; для социального прогресса более актуален принципиально иной тип коллективизма – создание правовой общности, союза граждан, объединенных общей целью формирования государственного строя, основанного на принципах правовой коммуникации. В организационном плане это означает формирование государства как правовой корпорации граждан, где их воли в законодательном органе представлены не безответственными в правовом отношении «народными» представителями (депутатами), а юридически обязанными перед ними профессиональными правовыми представителями. Речь идет о том, чтобы придать принципу представительства первоначальный правовой смысл, когда представляемым лицом выступает не абстрактный, безмолвный народ, а конкретный гражданин государства, т. е. о замещении политического представительства правовым¹.

В правовой системе коммуникации, чтобы привести к общему знаменателю разнонаправленные воли ее участников, необходимы профессиональные посредники, которые способны согласовывать, совмещать их интересы. Не «доярки и кухарки», как полагали авторы проекта «демократического» правового государства, а профессиональные законодатели, умеющие «шить правовые сапоги». Наиболее успешно данную роль в правовом регулировании социальных отношений осуществляли римские юристы. Они выступали связующим звеном между участниками правовых отношений, руководствуясь прежде всего идеями разума и справедливости. Правовая разумность заключалась не в навязывании покупателю и продавцу воли суверена, а в создании юридического механизма, когда каждый реализует свой интерес посредством другого. Римский опыт, на наш взгляд, необходимо использовать в организации нашего правотворческого процесса. По сути, римскими юристами была создана уникальная система правового взаимодействия, представляющая собой альтернативу существующей законодательной власти.

Римская система частного права своим существованием опровергает известные «аксиомы» о том, что правовое отношение есть властное отношение, а также что правотворчество и законодательная власть неразделимы. Договор есть соглашение свободных субъектов, между которыми нет отношения власти и подчинения. Это классическое, идеальное в своей чистоте правовое отношение. Частное право есть результат профессионального правотворчества, но не плод законодательной власти. Как уже отмечалось, правовая коммуникация и политическая власть, включая государственную, находятся в разных системах координат. Государство, которое опосредует правовую коммуникацию, является гарантом исполнения правовых решений, но не навязывает свою волю субъектам права, – это правовой институт; государство же, которое властвует посредством права, – институт политический. Закон, судебное решение, система правового принуждения не должны быть инструментами, средствами государственного властвования. Суд, как и законодатель, не может быть органом государственной власти, поскольку это нарушает принцип его независимости, беспристрастности; как утверждал К. Маркс, «независимый судья не принадлежит ни мне, ни правительству»².

Основоположники теории правового государства для целей идеального мироустройства использовали «священный» институт демократии, который был актуален и

¹ Подробнее см.: *Архипов С. И.* Субъект права: теоретическое исследование. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 416–429.

² *Маркс К.* Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: в 30 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 1. С. 67.

прогрессивен в период борьбы европейцев с абсолютизмом. Однако сегодня демократия является скорее тормозом социально-правового прогресса, чем институтом развития. Демократия по своей исходной природе – не правовой, а политический институт, он основан не на принципах совмещения интересов, взаимного осуществления воли участников отношений, а на противопоставлении одной части народа (мнимого или реального большинства) другой его части. Будучи институтом политической власти, он является инородным элементом в системе правовой коммуникации. Как утверждал П. Сорокин, в современном демократическом западном строе феодализм и олигархия не исчезли, они продолжают существовать во всех сферах: в политике, менеджменте, науке и искусстве, в банде преступников и демократических учреждениях, повсюду¹. Политические кланы, «новые феодалы» управляют западными обществами посредством института демократии.

Четвертый пункт, где возможны принципиальные расхождения во взглядах на правовое будущее России и Запада, – представления о собственности, перспективах развития важнейшего социально-правового института. Для римских юристов, как отметил Гегель, дефиниция собственности была опасной во многих отношениях², возможно, по этой причине они не стремились ее сформулировать. Сам же Гегель писал: «В том, что лицо помещает свою волю в вещь, состоит понятие собственности, все остальное – лишь его реализация»³. Для романо-германской правовой системы классическим законодательным определением собственности является положение ст. 544 французского Гражданского кодекса: «Собственность – это право пользоваться и распоряжаться вещами самым абсолютным образом, если только его использование не воспрещается законом или регламентами»⁴. В англосаксонской правовой системе сформировалось схожее представление о собственности. У. Блэкстон характеризовал собственность как «деспотическую власть, которую имеют притязания одного человека над физическими вещами этого мира при полном исключении прав любого другого индивида во Вселенной»⁵.

Понимание собственности как абсолютной, деспотической власти лица над вещью отражает индивидуалистическую природу западного правового сознания, доведенный до крайнего предела европейский меркантилизм. Собственность в данной системе мировосприятия – это не духовное явление, в котором выражается нравственная сущность человека, его социальное естество, а вырвавшийся наружу природный инстинкт обладания объектами материального мира. Не случайно, как представляется, Гегель относил собственность к ступени абстрактного права, где господствует единичная воля субъекта, отсутствует нравственное начало. Он противопоставлял абстрактное право ступени нравственного права (семья, гражданское общество, государство), где проявляет себя всеобщая социальная сущность человека.

В связи с гегелевским разграничением абстрактного и нравственного права возникает вопрос: возможно ли нравственное государство, гражданское общество без нравственной собственности, могут ли они достичь нравственного прогресса без опоры на собственность? На наш взгляд, одно не существует без другого, нравственная собственность и нравственный субъект – это основа нравственного государства и гражданского общества. Эгоистической собственности и ее субъекту соответствует эгоистическое, суверенное государство, которое противостоит эгоизму собственника, уравнивает его. Зрелому состоянию собственности и субъекта права соответствуют зрелые в нравственном отношении государство и гражданское общество. Они формируются в результате развития отношений собственности, нравственно-правового «взросления» участвующих в них субъектов.

В России отношение индивида к собственности определялось исторически сложившимся социальным укладом, организацией совместной хозяйственной деятель-

¹ Sorokin P. A. *Social and Cultural Mobility*. N. Y.: The Free Press, 1959. P. 16.

² Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. С. 60.

³ Там же. С. 109.

⁴ Французский гражданский кодекс: учеб.-практ. комментарий / пер. с фр., коммент. Ю. Гонгало и др. М.: Проспект, 2008. С. 252.

⁵ Blackstone W. *The Philosophy and History of the Law Under Which We Live* / ed. by J. W. Ehrlich. San Carlos: Nourse Publishing Company, 1959. P. 113.

ности, особенностями русской общины. Отсутствие частных земельных наделов, тесное социальное взаимодействие между членами общины препятствовало развитию центробежных тенденций, индивидуалистического сознания. Общинный крестьянский быт, совместное владение землей, общинное самоуправление обусловили в целом негативное отношение социальных низов к частной собственности. Социальные верхи, напротив, больше склонялись в сторону западных представлений о собственности как полном и исключительном господстве лица над вещью. По их инициативе либеральное понимание собственности получило законодательное закрепление в Своде законов Российской империи (Т. X, ч. 1, ст. 420). Если положение о трех правомочиях собственника (триаде), сформулированное В. Г. Кукольником и взятое за основу М. М. Сперанским при разработке им свода законов, можно считать исторической случайностью, то принципиальный подход законодателя к регулированию отношений собственности, на наш взгляд, был вполне закономерным, обусловленным выбранным верхами западным вектором развития Российского государства. В результате осуществленной российским законодателем цивилизационной «прививки» в восточной социально-правовой среде появился инородный западный институт собственности, в значительной мере определивший дальнейший ход российской истории.

Заимствованный Россией у западной цивилизации институт частной собственности является, как утверждал Н. Луман, «единственным в истории права значительным делегализатором», обладающим способностью обуславливать конфликты¹. Правовые конфликты, с одной стороны, способствуют правовому прогрессу, с другой – могут привести к саморазрушению общества, существующего правопорядка, стать причиной социальных катаклизмов, революций. Правовой институт частной собственности – это своего рода социальный реактор, который расщепляет общинный уклад на множество автономных радикалов – социальных атомов, преследующих собственные интересы, противопоставляющих себя обществу. Российскому дореволюционному законодателю не удалось удержать под контролем запущенную им же «ядерную» реакцию расщепления традиционного общества, нивелировать негативные последствия внедрения данного института в социально-правовую систему, что привело в начале XX в. к глобальной социальной катастрофе. Не справляется с задачей регулирования отношений собственности и современный законодатель, который до сих пор не может создать разумный баланс интересов собственника, государства и третьих лиц.

Идея господства лица над вещью, положенная в основу западного и нынешнего российского правового института собственности, на наш взгляд, давно себя исчерпала, она характерна для этапа зарождения института, периода «детства» собственности, но не ее зрелости. Собственности необходимо придать социальный смысл, правовое содержание, развернуть ее в сторону субъектов, а не вещей. Предметом права являются отношения между лицами (субъект-субъектные), а не между лицом и вещью (субъект-объектные). Собственность в России должна стать институтом гармонизации общественных отношений, а не господства частного произвола.

Для современного Российского государства важно сформировать такой цивилизационно-правовой подход к пониманию собственности и к ее правовому регулированию, который основывается на восприятии ее как нравственно-правового института, имеет целью не социальное отчуждение индивидов, а их общественное единение, социальную интеграцию. Данный институт должен строиться на коммуникативно-правовой основе, на принципах совмещения интересов всех участников правоотношения, взаимного осуществления их воли. В коммуникативно-правовом понимании собственность – это духовное, умопостигаемое, пролегающее через правопорядок владение, а не физическое, «хозяйственное» господство лица над вещью. Не собственник своей волей присваивает вещь, крепит ее к себе, а правопорядок, участники правовой коммуникации закрепляют вещь за ним, они посредством законодательных норм, судебных решений, нотариальных свидетельств о праве собственности, актов государственной регистрации права собственности, механизмов юридической защиты делают вещь правовым продолжением лица.

¹ Посконина О. В. Указ. соч. С. 77.

В рамках субъект-объектного подхода к пониманию собственности роль право-порядка сводится к отстранению всех остальных лиц от вещи, созданию условий для полного, исключительного господства собственника над объектом материального мира. Решающим фактором здесь является субъективная воля собственника, его стремление обладать вещью. Субъект-объектное понимание собственности – это линия, которая не ведет к социально-правовому прогрессу государства, общества, к нравственно-правовому развитию человека. Напротив, в субъект-субъектном подходе, основанном на идее правовой коммуникации, система правопорядка играет решающую роль. Она создает собственность, формирует ее, в этой системе собственность приобретает социально-правовой характер, юридическое содержание.

В процессе правовой коммуникации собственника с другими лицами происходит трансформация вещи физической в вещь правовую, которая обладает совершенно иными качествами, чем вещь физическая: целевым назначением, юридическими обременениями, правовой связью с другими вещами (сложная вещь, имущественный комплекс), принадлежностью конкретному субъекту, особым правовым режимом ее использования и т. д. В результате правового взаимодействия собственник формирует другое пространство собственности – правовой мир, где действуют не физические, а социальные законы. В этом мире свобода собственника получает иное измерение, раньше он был свободен только по отношению к вещи, теперь же у него возникает свобода социальная, которая заключается в возможности требовать от государства защиты собственности, признания, юридической регистрации его прав, изменения правового режима вещи (например, перевода жилого помещения в нежилое), компенсаций в установленных законом случаях и т. д.

В рамках субъект-субъектного подхода к пониманию собственности идея свободы собственности не противостоит идее долга, одно предполагает другое. В западной правовой цивилизации они искусственно противопоставляются: сущность собственности сводится либо к вещной свободе «от звезд до преисподней» (либеральный подход), либо к социальному долгу, общественной функции (социально-служебный подход). В системе правовой коммуникации данное противоречие снимается, собственность есть единство свободы и долга, поскольку долг здесь – это не навязанная собственнику обязанность, а самовозложение, принятое им добровольно, исходя из его собственных интересов, обязательство по отношению к государству или третьим лицам.

Кроме представлений о собственности, государственно-правовом устройстве, правовой коммуникации и правовой свободе есть необходимость критически переосмыслить и другие правовые понятия в целях формирования российской цивилизационной теории правового прогресса. В ней, как уже отмечалось, должны быть учтены культурно-правовые традиции российского народа, его социально-правовые ценности, иные социальные факторы, влияющие на правовое развитие общества, а также достижения, передовой опыт других цивилизаций, прежде всего современной западной, античной (греко-римской), китайской. Конечным результатом научных изысканий в данной сфере должна быть теория не национально-правового обособления России от остального мира, а правового восхождения от национального, особенного к правовому всеобщему.

Список литературы

Алексеев Н. Н. Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства // Русская философия собственности (XVIII–XX вв.). СПб.: СП «Ганза», 1993. С. 343–399.

Архипов С. И. Идея правового прогресса в трудах Н. Н. Алексеева // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 3. С. 5–14. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_3_5.

Архипов С. И. Правовое будущее России. Часть 1. Обзор основных позиций // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 2. С. 5–21. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_2_5.

Архипов С. И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 469 с.

Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. 2-е изд., испр. и доп. Лондон: OPI, 1990. 671 с.

- Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
- Джилас М. Новый класс. Нью-Йорк: Фредерик А. Прегер, 1961. 243 с. URL: https://archive.org/details/dzhilas_novyi_klass/page/n51/mode/2up (дата обращения: 27.08.2022).
- Дугин А. Г. Теория многополярного мира. Плюриверсум: учеб. пособие для вузов. М.: Академ. проект, 2015. 349 с.
- Дугин А. Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. СПб.: Амфора, 2009. 351 с.
- Зюганов Г. А. Глобальное порабощение России, или «Глобализация по-Американски». М.: Эксмо, 2011. 352 с.
- Кант И. Из «Лекций по этике» (1780–1782 гг.) // Этическая мысль: науч.-публицист. чтения. М.: Политиздат, 1988. 384 с.
- Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 107–438.
- Кургинян С. Е. Политические элиты в современной России – актуальные вызовы // Центр консервативных исследований. 2008. 25 окт. URL: <http://konservatizm.org/speech/kurginyan/080309000928.xhtml> (дата обращения: 27.08.2022).
- Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1876. 132 с.
- Маркс К. Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 1. С. 30–84.
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 7–544.
- Марченко М. Н. О перспективах развития российского государства и права // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Сер. 2: Юридические науки. 2017. № 4. С. 5–11.
- Марченко М. Н. Основные тенденции развития российского государства и права на современном этапе // Lex Russica. 2018. № 5. С. 19–32.
- Марченко М. Н. Особенности перехода от социализма к капитализму в России и в Китае (сравнительный анализ) // Государство и право. 2019. № 6. С. 26–33.
- Парсамов В. С. Декабристы и культурно-политические традиции Франции конца XVIII – начала XIX вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2002. 587 с.
- Посконина О. В. Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества: моногр. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1997. 124 с.
- Савицкий П. И. Степь и оседлость // На путях. Утверждение евразийцев. М.; Берлин: Геликон, 1922. С. 294–316. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn03.htm> (дата обращения: 27.08.2022).
- Савицкий П. Н. Предисловие // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София: Рос.-болг. книгоизд-во, 1921. Кн. 1. URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isход.php> (дата обращения: 27.08.2022).
- Сахаров А. Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе. Франкфурт, М.: Посев, 1968. 61 с. URL: https://www.yabloko.ru/Themes/History/sakharov_progress_c.html (дата обращения: 27.08.2022).
- Сорокин В. В. Типы правопонимания и сущность права: моногр. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2021. 275 с.
- Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. 352 с.
- Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991. 731 с.
- Трубецкой Н. С. Верхи и низы русской культуры (этническая база русской культуры) // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София: Рос.-болг. книгоизд-во, 1921. Кн. 1. URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isход.php#1921-isход-NST-verxi> (дата обращения: 27.08.2022).
- Флоровский Г. В. Евразийский соблазн // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. С. 237–265.
- Французский гражданский кодекс: учеб.-практ. комментарий / пер. с фран., коммент. Ю. Гонгало и др. М.: Проспект, 2008. 752 с.
- Фромм Э. Бегство от свободы / пер. с англ. и примеч. А. И. Фета. Нью-Йорк: Philosophical arkiv, 2016. 231 с.
- Blackstone W. The Philosophy and History of the Law Under Which We Live / ed. by J. W. Ehrlich. San Carlos: Nourse Publishing Company, 1959. 987 p.
- Sorokin P. A. Social and Cultural Mobility. N. Y.: The Free Press, 1959. 645 p.
- Strayer R. Why did the Soviet Union Collapse? Understanding Historical Change. L.: Taylor and Francis Ltd, 1998. 232 p.

References

Alekseev N. N. (1993) *Sobstvennost' i sotsializm. Opyt obosnovaniya sotsial'no-ekonomicheskoi programmy evraziistva* [Ownership and socialism. Experience in substantiating the socio-economic

program of Eurasianism]. In *Russkaya filosofiya sobstvennosti (XVIII–XX vv.)*. Saint Petersburg, SP «Ganza», pp. 343–399.

Arkhipov S. I. (2004) *Sub"ekt prava: teoreticheskoe issledovanie* [Subject of law: theoretical study]. Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press, 469 p.

Arkhipov S. I. (2021) Ideya pravovogo progressa v trudakh N. N. Alekseeva [The idea of legal progress in the works of N. N. Alekseev]. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 3, pp. 5–14, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_3_5.

Arkhipov S. I. (2022) Pravovoe budushchee Rossii. Part 1. Obzor osnovnykh pozitsii [The legal future of Russia. Part 1. Overview of the main positions]. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 5–21, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_2_5.

Blackstone W. (1959) *The Philosophy and History of the Law Under Which We Live*, ed. by J. W. Ehrlich. San Carlos, Nourse Publishing Company, 987 p.

Djilas M. (1961) *Novyi klass* [New class]. New York, Frederik A. Preger, 243 p., available at: https://archive.org/details/dzhilas_novyi_klass/page/n51/mode/2up (accessed: 27.08.2022).

Dugin A. G. (2009) *Chetvertaya politicheskaya teoriya. Rossiya i politicheskie idei XXI veka* [The fourth political theory. Russia and political ideas of the XXI century]. Saint Petersburg, Amfora, 351 p.

Dugin A. G. (2015) *Teoriya mnogopolyarnogo mira. Plyuriversum* [Theory of a multipolar world. Pluriversum]. Moscow, Akademicheskii proekt, 349 p.

Florovskii G. V. (1993) *Evraziiskii soblazn* [Eurasian temptation]. In *Rossiya mezhdru Evropoi i Aziei: Evraziiskii soblazn. Antologiya*. Moscow, Nauka, pp. 237–265.

Fromm E. (2016) *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom], transl. from Eng. by A. I. Fet. Nyköping, Philosophical arkiv, 231 p.

Gongalo Yu. et al. (2008) *Frantsuzskii grazhdanskii kodeks: uchebno-prakticheskii kommentarii* [French civil code: educational and practical commentary], transl. from French. Moscow, Prospekt, 752 p.

Hegel G. W. F. (1990) *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow, Mysl', 524 p.

Kant I. (1965) *Metafizika npravov v dvukh chastyakh* [Metaphysics of morals in two parts]. In Kant I. *Sochineniya*: in 6 vols. Moscow, Mysl', vol. 4, part 2, pp. 107–438.

Kant I. (1988) *Iz «Lektzii po etike» (1780–1782 gg.)* [From the «Lectures on Ethics» (178–1782)]. In *Eticheskaya mysl': nauchno-publitsisticheskie chteniya*. Moscow, Politizdat, 384 p.

Kurginyan S. E. (2008) *Politicheskie elity v sovremennoi Rossii – aktual'nye vyzovy* [Political elites in modern Russia – current challenges]. In *Tsentr konservativnykh issledovaniy*, 24 October, available at: <http://konservativizm.org/speech/kurginyan/080309000928.xhtml> (accessed: 27.08.2022).

Leont'ev K. N. (1876) *Vizantizm i slavyanstvo* [Byzantism and Slavism]. Moscow, Imperatorskoe Obshchestvo istorii i drevnosti rossiiskich pri Moskovskom universitete, 132 p.

Marchenko M. N. (2017) *O perspektivakh razvitiya rossiiskogo gosudarstva i prava* [On the prospects for the development of the Russian state and law]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S. Yu. Vitte. Ser. 2: Yuridicheskie nauki*, no. 4, pp. 5–11.

Marchenko M. N. (2018) *Osnovnye tendentsii razvitiya rossiiskogo gosudarstva i prava na sovremennom etape* [The main trends in the development of the Russian state and law at the present stage]. In *Lex Russica*, no. 5, pp. 19–32.

Marchenko M. N. (2019) *Osobennosti perekhoda ot sotsializma k kapitalizmu v Rossii i v Kitae (sravnitel'nyi analiz)* [Features of the transition from socialism to capitalism in Russia and China (comparative analysis)]. In *Gosudarstvo i pravo*, no. 6, pp. 26–33.

Marx K. (1955) *Debaty o svobode pechati i ob opublikovanii protokolov soslovnogo sobraniya* [Debates on freedom of the press and on the publication of the minutes of the class meeting]. In *Marx K., Engels F. Sochineniya: in 30 vols.* 2nd ed. Moscow, Politizdat, vol. 1, pp. 30–84.

Marx K., Engels F. (1955) *Nemetskaya ideologiya* [German ideology]. In *Marx K., Engels F. Sochineniya: in 30 vols.* 2nd ed. Moscow, Politizdat, vol. 3, pp. 7–544.

Parsamov V. S. (2002) *Dekabristy i kul'turno-politicheskie traditsii Frantsii kontsa XVIII – nachala XIX vv.: dis. ... d-ra ist. nauk* [Decembrists and cultural and political traditions of France in the late 18th – early 19th centuries: a doctor of historical sciences thesis]. Saratov, 587 p.

Poskonina O. V. (1997) *Niklas Luman o politicheskoi i yuridicheskoi podsystemakh obshchestva* [Niklas Luman on the political and legal subsystems of society]. Izhevsk, Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta, 124 p.

Sakharov A. D. (1968) *Razmyshleniya o progresse, mirnom sosushchestvovanii i intellektual'noi svobode* [Reflections on progress, peaceful coexistence and intellectual freedom], Frankfurt, Moscow, Posev, 61 p., available at: https://www.yabloko.ru/Themes/History/sakharov_progress_c.html (accessed: 27.08.2022).

Savitskii P. I. (1922) *Step' i osedlost'* [Steppe and Settlement]. In *Na putyakh. Utverzhdenie evraziitsev*. Moscow, Berlin, Gelikon, pp. 294–316, available at: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn03.htm> (accessed: 27.08.2022).

Savitskii P. N. (1921) Predislovie [Preface]. In *Iskhod k Vostoku. Predchuvstviya i sversheniya. Utverzhdenie evraziitsev*. Sofiya, Rossiisko-bolgarskoe knigoizdatel'stvo, book 1, available at: <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod.php> (accessed: 27.08.2022).

Sorokin P. A. (1997) *Glavnye tendentsii nashego vremeni* [The main trends of our time]. Moscow, Nauka, 352 p.

Sorokin R. A. (1959) *Social and Cultural Mobility*. New York, The Free Press, 645 p.

Sorokin V. V. (2021) *Tipy pravoponimaniya i sushchnost' prava* [Types of legal understanding and the essence of law]. Barnaul, Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta, 275 p.

Strayer R. (1998) *Why did the Soviet Union Collapse? Understanding Historical Change*. London, Taylor and Francis Ltd, 232 p.

Toinbi A. Dzh. (1991) *Postizhenie istorii* [Comprehension of history]. Moscow, Progress, 731 p.

Trubetskoi N. S. (1921) Verkhi i nizy russkoi kul'tury (etnicheskaya baza russkoi kul'tury) [Tops and bottoms of Russian culture (ethnic base of Russian culture)]. In *Iskhod k Vostoku. Predchuvstviya i sversheniya. Utverzhdenie evraziitsev*. Sofiya, Rossiisko-bolgarskoe knigoizdatel'stvo, book 1, available at: <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod.php#1921-isxod-NST-verxi> (accessed: 27.08.2022).

Voslenskii M. (1990) *Nomenklatura. Gospodstvuyushchii klass Sovetskogo Soyuz* [Nomenclature. The ruling class of the Soviet Union], 2nd ed. London, OPI, 671 p.

Zyuganov G. A. (2011) *Global'noe poraboshchenie Rossii, ili «Globalizatsiya po-Amerikanski»* [Global enslavement of Russia, or «Globalization in American style»]. Moscow, Eksmo, 352 p.